

Эволюция есть бесконечное движение всего существующего, непрерывное изменение мира как в целом, так и в его частях, от начала веков до бесконечности. Млечные пути, видимые в неизмеримом пространстве, образуются и исчезают в течение миллионов и миллиардов веков; звезды, светила рождаются, скопляются, умирают; движение нашей солнечной системы с его центральным светилом, его планетами и лунами, все, что находится в узких пределах нашего земного шара, вновь возникающие и исчезающие горы, океаны, образующиеся с тем, чтобы потом высохнуть, ярко блестящие в долинах реки, которые высыхают подобно утренней росе, поколения растений, животных и людей, следующих одно за другим, миллионы незаметных маленьких существ от человека до насекомого — все это явления всеобщей великой эволюции, увлекающей все в своем бесконечном движении.

В сравнении с этим основным фактом мировой эволюции, что значат эти маленькия явления, называемые революциями астрономическими, геологическими или политическими! — Едва заметные движения, почти призрачные.

Миллиарды миллиардов революций сменяют друг друга в мировой эволюции. Но как бы малы они ни были, они являются частью бесконечного движения.

Таким образом, наука не видит никакого противоречия между этими двумя словами: эволюция и революция, которые очень сходны между собою, но которые в обыденной речи употребляются совершенно в ином смысле, различном от их первоначального значения. Не видя в них явлений одного и того же порядка, различающихся только по степени, трусливые люди, боящиеся всяких перемен, придают этим двум словам совершенно противоположный смысл. Эволюция — синоним постепенного развития, совершающегося в области идей и нравов, — понимается ими, как нечто противоположное этой страшной вещи — революции, представляющей собой более или менее резкия перемены в мировой жизни. С кажущимся или даже искренним энтузиазмом говорят они об эволюции — медленном развитии, совершающемся в мозговых клетках, в головах и сердцах; но им нельзя говорить о страшной революции, которая возникает внезапно в умах, выливается на улицы, сопровождаясь иногда неистовыми криками толпы и громом оружия. Прежде всего скажем, что эти люди обнаруживают только свое невежество, воображая, что между эволюцией и революцией существует такая же разница, как между миром и войной, между мирной жизнью и насилием. Иногда революции могут совершаться мирно, вследствие внезапного изменения среды и перемещения интересов; точно также и эволюции в обществе могут быть чрезвычайно затруднены, сопровождаясь войнами и преследованиями. И, если слово эволюция охотно употребляется теми, которые с ужасом смотрят на революционеров, то это происходит оттого, что они не понимают всего значения этого слова, так как от него то они отрещиваются всеми способами. Они говорят о прогрессе в общих выражениях, но сущности его самого не хотят. Они находят, что современный строй, как бы плох ни был, в

чем они сами сознаются, все таки должен быть сохранен, — так как им достаточно, чтобы он делал возможным достижение для них их идеала: богатства, власти, значения и комфорта.

Так как существуют богатые и бедные, власть имущие и подчиненные, господа и рабы, властелины, дающие знак к борьбе, и гладиаторы, идущие по их знаку на смерть, то этим благоразумным людям остается только стать на сторону богатых и власть имущих или сделаться куртизанами и льстецами сильных мира. Это общество дает хлеб, деньги, места, почести; и отлично: пусть умные люди устраиваются таким образом, чтобы получить наибольшую часть всех этих благ. Если они родились под счастливым созвездием, которое, избавляя их от всякой борьбы, дало им все необходимое в изобилии, то зачем же им жаловаться? Они стараются убедить себя, что все так же довольны, как они сами; сытому кажется, что весь мир хорошо пообедал. А если какой-нибудь эгоист с детства обижен судьбою и недоволен ею, то у него по крайней мере остается надежда добиться своего интригами, лестью, благодаря счастливой случайности или даже упорным трудом в пользу власть имущих. Что для него общественная эволюция? Его собственная эволюция к богатству, вот его единственное стремление. Не заботясь о правах всех, он ищет лишь исключительных прав для себя самого.

Существуют однако рабские умы, которые искренно верят в эволюцию идей и питают неопределенные надежды на соответствующее изменение обстоятельств, но которые, тем не менее, с инстинктивным почти физическим страхом думают о всякой революции. Они желают ее и боятся её одновременно: они критикуют существующий строй и мечтают о новом, как будто бы он должен появиться внезапно, вызванный каким то чудом без малейшей ломки и борьбы между грядущим и отжившим. Слабые, безвольные люди мечтают, не имея ни сил, ни желания, достигнуть своей цели. Принадлежа к обоим мирам, они фатально осуждены не служить ни тому ни другому: среди консерваторов они являются разобщающим элементом, благодаря своему образу мыслей; среди революционеров они становятся крайними реакционерами, изменяя обетам своей юности и как собака, о которой говорит евангелие, возвращаются к тому, что они некогда изрыгли. Таким образом во время революции наиболее яркими защитниками старого порядка становятся те, которые когда то зло насмехались над ним: из сторонников они обращаются в ренегатов. Они замечают слишком поздно, как неловкие волшебники легенды, что они вызвали слишком страшные, темные силы, с которыми они уже не могут справиться.

К другому классу эволюционистов принадлежат те, которые в общей необходимости перемен преследуют только одну сторону их, которой и посвящают себя всецело, забывая все другое. Они наперед ограничили свое поле действия. Некоторые из них, люди ловкие, пожелали таким образом войти в сделку со своею совестью и работать в пользу будущей революции без риска для самих себя. Под предлогом посвящения своих сил какой-нибудь необходимой ближайшей реформе, они теряют совершенно из вида общий высший идеал будущего и даже откровенно отрекаются от него. Другие более честные и порядочные как будто и способствуют общему делу, но вследствие узости своего ума, видят и понимают его односторонне. Искренность их убеждений и поведения ставит их вне всякого подозрения:

мы их считаем нашими товарищами по делу, хотя с горечью сознаемся, что ограничившись узким полем действия, борясь против одного какого-нибудь частного зла, они как-будто санкционируют все другие злоупотребления.

Я не говорю о тех, которые стремятся, например, к реформе орфографии, толкуют об изменении места прохождения меридиана, как о чем то чрезвычайно важном, ополчаются против употребления корсетов и меховых шапок; есть более возвышенные цели, которые требуют от преследующих их и смелости, и упорства, и преданности делу; и если они проявляют эти качества, то мы, революционеры, не можем относиться к ним иначе, как с уважением и симпатией. Так, если мы встречаем благородную женщину, преисполненную сострадания к своим падшим сестрам, которая, не боясь общественного мнения, подходит к проститутке со словами любви, протягивая ей руку для борьбы с попирающим человеческое достоинство агентом полиции нравов или против участкового врача, принуждающего ее являться к себе для освидетельствования и насилующего ее, или против всего общества, с презрением толкающего ее в грязь, никто из нас не остановится перед соображениями общего характера, чтобы отказать смелому борцу против официального разврата в своем уважении. Без сомнения, мы можем сказать такой женщине, что всякая революция в одной области должна соответствовать революции в другой, что возмущение личности против поработящего его правительства заключается не только в защите человеческого достоинства падшей женщины, но и в защите клейменого каторжника и всякой другой подчиненной или подавленной личности, но мы не можем не восторгаться теми, кто искренно и всецело предан борьбе даже на таком узком поприще. Точно также мы называем героями людей, которые в какой бы то ни было стране и когда бы то ни было отдавались всецело делу, жертвуя собой ради общего блага. Как бы ни было ограничено их поле действия, пусть всякий из нас преклонится перед ними и скажет: «мы должны подражать им на нашем поприще, гораздо более обширном, в нашей борьбе, которая ведется за все человечество».

Итак, эволюция касается совокупности всех сторон жизни человечества и революция должна тоже касаться всего, хотя не всегда заметен параллелизм в событиях разных областей жизни, из которых слагается жизнь обществ. Всякий прогресс в одной области соответствует прогрессу в другой, и мы стремимся ко всем им по мере наших сил и знаний: к прогрессу в областях социальной и политической жизни, в морали и науке, искусствах, индустрии, — эволюционисты во всем, мы одновременно являемся революционерами во всем, зная, что вся история есть ничто иное, как последовательное завершение явлений жизни народов, беспрестанно и постепенно подготовляющихся к этому. Прямым последствием великой интеллектуальной эволюции, которая освободит наш ум от всяких предрассудков, является освобождение личности в её отношениях ко всему окружающему.

Таким образом, можно сказать, что эволюция и революция — являются сменяющимися друг друга актами одного и того же явления: эволюция предшествует революции, которая в свою очередь эволюционирует до новой революции и т. д. Может ли происходить изменение без перемещения центра тяжести в жизни? Разве революция не должна по необходимости быть

